

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ДУША РОССИИ

Мой друг Юрий Васильевич Убогий совершил творческий подвиг – создал книгу повестей о великих русских писателях, чьи судьбы так или иначе были связаны с калужской землёй.

Я читал эту книгу и чувствовал, как память моя вытаскивает из своих глубин множество картин и событий, казалось бы, навсегда утонувших в прошлом.

Со времён учёбы на филологическом факультете МГУ я запомнил из лекций знаменитых лингвистов, что “великий и могучий русский язык” сложился на основе курско-орловского диалекта, на просторах, откуда вышли Тургенев, Бунин, Лесков.

Но моя калужская земля тоже русская и сердцевинная: разве она не была причастна к сотворению великого языка – и разговорного и литературного?

Моя местнопатриотическая ревность усугублялась ещё потому, что родную область со всех сторон окружали земли, которые дали России Толстого с Ясной Поляной, Тургенева со Спасским-Лутовиново, Твардовского со Смоленщиной. А про московскую землю – родину самого Пушкина – что и говорить! Да и чеховское Мелихово тоже коренное Подмосковье.

Да, таких литературных исполинов калужские подзолистые почвы не вырастили, разве что произвели на свет двух пророков – Константина Леонтьева да Константина Циолковского, но и тех, как и положено по русской поговорке “нет пророка в своём отечестве”, современники не поняли и не оценили.

Однако – и это утешало меня – моя малая родина неспроста властно притягивала к себе столько славных имён отечественной культуры, что всем остальным землям оставалось только удивляться этому явлению и завидовать. Не могло же быть случайностью, что пушкинская судьба привела поэта на Полотняный Завод в дом Гончаровых, сожжённый остов которого с чёрными окнами-глазницами я много раз с волнением разглядывал во время своих послевоенных отроческих путешествий по берегам Угры.

А южнорусская “редкая птица” Николай Гоголь находил в Оптиной пустыни гораздо больше пищи для души, нежели на земле вечного и, казалось бы, так любимого им Рима. И не случайно губернаторша Смирнова-Россет стала главной персоной его “Выбранных мест из переписки с друзьями”. А когда Гоголь написал, что “надо проездиться по России”, то это означало для него “проездиться”, подобно Чичикову, именно по расхлябанным калужским дорогам.

Наше православие – глубочайшая тайна исторической судьбы России, и недаром Гоголя и Толстого властно влекли к себе и Оптина, и Тихонова пустынь, и Шамордино.

Не забудем и Боровско-Пафнутьевский монастырь, а также сорок церквей губернского города, о которых по случаю какой-то небольшой победы во

время Крымской войны было сказано в “Севастопольской страде” Сергеева-Ценского: “Колокольный звон стоял, как в Калуге на Пасху...”

Помимо крупнейших исторических событий (стояние на Угре, оборона “злого города” Козельска, битва с французами под Малоярославцем) в истории Калужского края существовало нечто внеисторическое, нематериальное.

Однажды в 1950 году я уходил из Загородного сада после легкоатлетической тренировки и вдруг увидел, что к стеле с изображением Гоголя, стоящей посреди вековых лип на месте сгоревшей в 1918 году дачи губернаторши Смирновой-Россет, где когда-то гостил Николай Васильевич, подошёл высокий худой старик, осенил себя крестным знаменем, приложился к профилю Гоголя, словно к иконе, и опустил перед стелой на колени.

Может быть, именно тогда я не то чтобы понял, но ощутил, что литература в России нечто большее, нежели сочинение романов и поэм. Сколько бы ни читал русский человек исторических книг Карамзина, Ключевского, Тарле и прочих знаменитых историков, он всегда будет судить о Пугачёвском восстании по “Капитанской дочке”, о войне 1812 года по “Воине и миру”, о гражданской войне по “Тихому Дону”, о Великой Отечественной войне по “Василию Тёркину”... Великая русская литература для читателей XIX–XX веков была одновременно историей, обществоведением, идеологией, религией, школой нравственности, философией жизни, учебником эстетического воспитания. И то, что сегодня преподавание литературы изгоняется из школьных программ – нельзя назвать иначе, как преступлением против генетического кода русской жизни.

С 1937 года на Золотой аллее, протянувшейся вдоль Березуевского оврага, стоит ещё одна стела с бюстом Александра Сергеевича Пушкина. Путь к возведению этой стелы так же, как и к стеле Николая Васильевича Гоголя, был неимоверно труден...

12 февраля 1921 года в день смерти Пушкина, когда, по словам Герберта Уэллса, Россия лежала во мгле, маленькая горстка питерских литераторов собралась в Доме искусств, где Александр Блок произнёс знаменитую речь “О назначении поэта”, в которой предупредил ретивую чиновничью чернь революционной эпохи, чтобы она не вмешивалась с помощью цензуры в “музыку истории”. Выступивший через несколько дней после Блока Владислав Ходасевич, вспомнив пушкинский сонет, назвал своё слово о Пушкине “Колблемый треножник”.

И Блоку и Ходасевичу не без оснований казалось, что великая культура почти погибла, что всё, по словам Анны Ахматовой, “расхищено, продано, предано”...

Но случилось чудо: после шестнадцати лет исторического кошмара, мучительных поисков пути, после нэпа и коллективизации, после Беломорканала, “Поднятой целины” и “Страны Муравии” грянул 1937 год. Столетие со дня смерти Пушкина стало величайшим и всенародным праздником почти пасхального воскрешения из мёртвых того, кто сказал сам о себе: “Нет, весь я не умру, душа в заветной лире...”. Но, к несчастью, без того, что сегодня называется Большим Террором, не могло случиться этой возрожденческой мистерии. Трагедия – это всегда палка о двух концах. Лишь с уничтожением антирусской и антинародной партийной, чекистской и гулаговской элиты имя Пушкина, во многом поруганное в 20-е годы, было восстановлено во всех ипостасях. Множество городов, улиц, площадей, парков, музеев, библиотек страны были названы в его честь. Собрание его сочинений, вышедшее в роковом 1937 году, до сих пор считается наилучшим за всю историю России. Сотни памятников и мемориальных досок возникли в больших и малых городах от Москвы до самых до окраин. Именно тогда бывшая улица Коровинская (по имени купца Коровина) была переименована в Пушкинскую, куда в угловой дом на пересечении Пушкинской и Циолковского меня принесла из роддома мать и где прошли первые восемнадцать лет моей жизни.

Осип Мандельштам, конвоируемый тремя сотрудниками НКВД в Чердынскую ссылку, глубже многих историков и политиков понял суть происходящей в стране контрреволюции, когда писал:

*Чтобы Пушкина чудный товар
не пошёл по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами
Племя пушкиноведов.*

Части исторического тела России, расчленённого в 1917–1922 годах, в Пушкинском тридцать седьмом стали сростаться, как в русской народной сказке, словно спрыснутые живой водой. Поистине всё происходило, как в пасхальном песнопении:

*Смертью смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав.*

Лишь поэтому через четыре года после воскрешения Пушкина из мёртвых Сталин решился произнести на знаменитом параде 7 ноября 1941 года имена “классовых врагов” Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова и тем самым вернул народу ещё один пласт истории, “какую нам дал Бог”. Наверное, поэтому сутью повести Юрия Убогого об Иване Бунине являются страницы не только о романтическом приключении молодого писателя на Калужской земле, но и те, в которых великий изгнанник, изрыгнувший яростную книгу “Окаянные дни” — о преступлениях революции, через четверть века взмолился о победе Советской России в битве под Москвой и Сталинградом и даже о том, чтобы со Сталиным, летящем на самолёте в Тегеран, ничего не случилось. Именно эта молитва была последней каплей “живой воды”, необходимой для того, чтобы тело России, расчленённое в эпоху “окаянных дней”, срослось окончательно. Бунин в те трагические дни, как никто из эмигрантов, понял, что судьба и Михайловского, и Полотняного Завода, и Ясной Поляны, и чеховского Мелихова, и гоголевской Миргородчины, и его собственного Ельца решается в “снежных полях под Москвой” и на обугленных руинах Сталинграда.

Конечно, он помнил, как в 1914 году кайзеровская Германия с первого дня войны одновременно воевавшая на Западе против мощных французских и английских армий, тем не менее опрокинула на Востоке войска сильной и крепкой России, не испытавшей ни гражданской войны, ни коллективизации, ни массовых репрессий, захватила прибалтийские и польские земли Российской империи и за 4 военных года не позволила ни одному российскому солдату ступить на германскую землю. А ненавистная ему Советская Россия, “совдепия”, принявшая на себя удар не только Германии, но всей объединённой фашистской Европы, оправившись от первых военных неудач, во второй половине войны с триумфом вошла аж в десять европейских столиц! Ну как же после этого было Бунину не переживать за жизнь и безопасность Сталина. Адвокаты демократии истошно вопят, что Сталин ухватился за союз с церковью, как за последнюю надежду в войне. Но это — ложь, потому что встреча с иерархами состоялась после трёх крупнейших побед Красной армии — московской, сталинградской и курской, когда судьба войны была решена, а Сталин, думая о будущем страны, вознаградил русскую церковь за самоотверженный и бескорыстный вклад в священную войну, в близкую победу.

Сталину после пушкинского юбилея и всемирно исторической речи 7 ноября 1941 года с перечнем героев русской истории было, как говорится, рукой подать до сентября 1943 года, когда он пригласил к себе трёх высших иерархов православной церкви и объявил им о восстановлении патриаршества, об освобождении священников, боровшихся с безбожной властью, из мест ссылки и заточения, о восстановлении русской церкви в её исторических и духовных правах, настолько, насколько это было возможным во время страшной войны. Грех разгрома православия, начавшийся со знаменитого ленинского письма 1921 года, был искуплён властью-победительницей, убедившейся, что во время смертельной и “священной” войны церковь стояла на стороне не только народа, но и власти, и потому ей была дана возможность восстать из праха и подняться с колен человеком, о котором ещё один знаменитый изгнанник, Александр Вертинский, впоследствии написал:

*Он стоит, как серебряный тополь,
принимая последний парад,
сколько стоил ему Севастополь,
сколько стоил ему Сталинград?
И когда подходили вандалы
к нашей древней столице отцов,
где нашёл он таких генералов
и таких легендарных бойцов?*

Мне вспоминается, что 60-е годы был модным вопрос, содержащийся во многих анкетах, изучающих общественное мнение: какие бы три книги вы взяли с собой на необитаемый остров или в космическое путешествие? Однажды, задумавшись на этом неумным и утопическим вопросом, я всё-таки выбрал для себя эти три книги: “Капитанская дочка”, “Тарас Бульба” и “Записки охотника”. Поэтому сегодня я рад представить читателю книгу Юрия Убогого. Если бы дополнительно выбрать что-то из Бунина, то в сегодняшнее время, когда обозначился тупик всей Западной цивилизации, я бы прибавил к этому перечню его пророческую новеллу “Господин из Сан-Франциско”. А из Чехова, которого на старости лет я полюбил по-настоящему, его повесть “Степь”.

Не хватает у Юрия Убогого в этом прозаическом венке во славу русской литературы повести о Льве Толстом, можно сказать – о почти нашем земляке. Я знаю, что Юрий Убогий давно обдумывает её и выстраивает в своём воображении, но не даются пока ему в руки калужские страницы из жизни яснополянского еретика и пророка. Дай Бог, чтобы во втором издании этой увлекательнейшей хрестоматии из жизни наших классиков, появилась и повесть о самом страстном и неукротимом из них. . .

А вообще-то, если русская литература как предмет останется в российских школьных программах, я бы хотел, чтобы книга Убогого стала своеобразным учебником для школьной молодёжи будущей России.

А ещё хорошо бы на Золотой аллее в один ряд с пушкинской стелой поставить стелы наших знаменитых “калужан” – Льва Толстого, Николая Гоголя, Ивана Тургенева, Антона Чехова, Ивана Бунина. Калужская земля достойна такого мемориала.